

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

**Бульварные
новости**

№28 (318)
ИЮЛЬ 2026

Фауст Миндлин

**Еврейский
театр
в Одессе**

1917-1949 гг.

ВЕЧНЫЙ МАЛЬЧИШКА

Геннадий Норд

С эстонским певцом и композитором Эрихом Кригером мы несколько раз выступали вместе. Он замечательный рок и поп певец и композитор.

У меня есть песня «Полярная звезда».

Оказалось, что у Эриха тоже.

У каждого из нас своя Полярная звезда. Для одних она номинальна и буквально — высоко над головой, в зените, за крайними звездами Ковша; для других же — это путеводная нить, личная, особенная миссия.

Сначала в 1984-1986 годах он пел в популярном вокальном квартете Barbershop вместе Яком Йохансоном, Мартом Миком и Лаймисом Раценайсом.

А потом...

Полярная звезда Эриха Кригера (Erich Krieger) — известного эстонского певца и композитора с немецкими корнями и рожденного в мегаполисном Алматы в начале советских 1960-х — взошла на небосводе Юрмалы тридцать пять лет назад в 1988 году. Взошла и ярко засияла после песни Андреса Валконена с аналогичным названием «Põhjaael», что по-эстонски означает «Полярная звезда».

За музыкальным фестивалем последовали мгновенная популярность и общественное признание.

А затем случился скоростной распад СССР. У всех, в том числе и у Эриха Кригера, наступила абсолютно новая жизнь, отличная от прежней.

Последний раз мы с Эрихом увиделись в Таллине на юбилее нашего общего друга, популярного журналиста Павла Макарова.

— Недавно пересмотрел видеозапись «Юрмалы-88», где ты завоевал первую премию с песней «Põhjaael». Должен сказать, что опять был впечатлен и прекрасным исполнением, и твоим имиджем: синий жакет, черная рубашка, белые брюки.

— Национальный триколор. Одежду в цветах эстонского флага подбирал стилист. В первом туре я был одет иначе — боялся. Не хотел, чтобы политические дела помешали прийти к победе в конкурсе. Думаю, если бы изначально я оделся именно так, то меня не спасли бы даже мои вокальные данные, потому что все подобные фестивали субъективны.

Было всего две песни, и необходимо было ими сказать, показать всё: и внешность, и спортивность, не говоря уже о вокальных данных и сценической свободе, когда полностью владеешь публикой.

Кстати, композицию «Põhjaael» до меня в студии исполнял Яак Йоала, и композитору тогда это не понравилось.

На Юрмале-88

Один из альбомов Эриха Кригера

А я искал хит.

Между прочим, Александр Малинин тоже был в то время без хита.

Я прошел в Москве отборочный тур, но, как мне дали понять, на этот раз должна была выиграть российская столица. До этого в 1986 году в Юрмале победил латыш Родриго Фоминс, в 1987 — эстонка Каре Каукс. Поэтому в 1988 году Москва должна была доказать, что у них тоже есть певцы. Делалась ставка на Жанну Агузарову, но та отказалась.

— Выходит, тот самый музыкальный фестиваль стал для тебя своеобразной путеводной звездой?

— Так и есть. Тогда мне уже исполнилось 27 лет. Я учился в консерватории и на эстонской эстраде пел лет пять-шесть. Но главного хита так и не было.

И вот случилось чудо — композиция Андреса Валконена.

Меня приглашали в ГИТИС в ученики, но я считал себя героем — самым умным и лучшим в мире. Я ж звезда. Даже Яак Йоала в то время не был для меня кумиром.

Потом понял, что ошибался — необходимо развиваться дальше, а не стоять на месте.

1988 год прошел на волне успеха и бесконечных гастролей, я объездил весь СССР от Таллинна до Ташкента и Владивостока. Работал вместе с Максимом Дунаевским и его артистами.

Тем временем союзные республики начали отделяться. А у меня уже был маленький трехлетний сын. Надо было выбирать, где работать и как жить дальше.

Сейчас немного жалею, что не удалось использовать юрмальский шанс в полной мере. Тогда я не осознавал, что жизнь труднее, чем может казаться в молодости.

— Творчество или бизнес? Что для тебя важнее?

— Однозначно, творчество. Я — вечный наивный мальчик в этом плане и не продержался бы на сцене сорок лет, если бы во главу угла ставил бизнес. Многих певцов, которым присваивались звания вроде «артиста года» и прочего, уже нет на эстраде. Потому что они делали бизнес на своей популярности. Копировали зарубежные группы, например. Плагиат сейчас тоже называется творчеством.

Фактически я начал заниматься артистической деятельностью поздно — лет в шестнадцать. Обычно к этим годам у большинства певцов и музыкантов за спиной уже имеется немалый опыт, а в копилке — уйма дипломов и наград за участие в ряде конкурсов. Потому что приступают к занятиям музыкой в три-четыре года от роду.

С Геннадием Нордом

— Главная проблема сегодняшнего шоу-бизнеса?

— Это не проблема, а данность: если есть большие деньги, то можешь позволить себе купить и большую студию, и передачу, и целый год крутить по радио и ТВ неталантливому артисту. Пусть он и работяга.

А талантливый, но бедный певец тем временем просто не попадает в эти тусовки.

Фильтров нет. Сейчас на государственном радио можно иногда такую ерунду слышать! Порой полная бездарность и самодетельность. Подобное было невозможно даже двадцать лет назад. Есть частные радио, пусть там и играют.

Но такого рода исполнителей нельзя воспринимать как элиту. И еще ценить и превозносить!

— Тебе родители не говорили в детстве, что артист — это не профессия?

— Говорили, конечно. Отец настаивал, чтобы я стал сапожником, лишь бы не артистом. Дело в том, что его в юности готовили в чеботари. Мой дед Карл Кригер, которого я никогда не видел, был профессионалом в сапожном деле, проживал в Житомирской области на Украине.

Так вот, в сапожники я не пошел, но отправился учиться на портного. После окончания школы мне, к сожалению, не удалось поступить в консерваторию. Хотя я пел в эстрадной студии.

Отец был доволен — наконец-то, достойная профессия! Так что умею шить даже кожаные изделия — все-таки обладаю пятым, высшим разрядом.

Однако на эстраду по-прежнему тянуло с неимоверной силой, поэтому, в конце концов, не смог сдержать свои порывы.

— Почему уехал из Алматы в Эстонию?

— Это решал не я, а мои родители. На тот момент мне было всего девять месяцев. Хотели поближе к Европе: привычный климат, возможно, надеялись потом перебраться в Германию. Сначала переехали родственники, потом позвали нас. К тому же Эстония — родина моей мамы.

До 1953 года этническим немцам и эстонцам в СССР не разрешали перемещаться по стране. Долго ждали, что все-таки всех отпустят, и лишь после смерти Сталина начались послабления.

Сейчас зачитаю, что написано в моем

С супругой Марией

свидетельстве о рождении: отец — Кригер Альберт Карлович, немец; мать — Кригер Майму, эстонка. Родился 14 июля 1961 года в Алма-Ате.

Знаю, что жили мы в пригороде, рядом с Медео. Сейчас это место считается элитным районом.

— Нет желания прилететь на малую родину с концертом?

— Не так давно в Казахстане узнали, что в Эстонии есть такой музыкальный деятель, как Эрих Кригер, который родился в Алматы. Связывались со мной, приглашали, но внезапная пандемия воспрепятствовала гастрольному туру. Надеюсь, в ближайшем будущем ситуация изменится в лучшую сторону.

— Немецкий композитор и ди-

рижер Рихард Вагнер утверждал: «И ребенка, и друга мы любим лишь в том случае, если мы вообще уже умеем любить. А этому мужчина научается у женщины». Как считаешь, он был прав?

— Думаю, да. Это, пожалуй, единственный вопрос в жизни, над которым я задумался, как следует. Тема в каком-то смысле болезненная. Например, дети знаменитых родителей редко когда могут быть самими собой. Зачастую, их воспринимают, как детей знаменитостей, хотя они не менее талантливые и трудолюбивые.

Важно ценить детей за их внутренний дух, пусть и отличный от вашего, и не стремиться сделать из них суперменов. У них своя жизнь.

Что касается цитаты Вагнера, то мужчины — вечные мальчишки. Нам нужна женская поддержка, она придает силу, жажду жить. Женская любовь способна на многое.

Например, вот мы с Марией, моей третьей супругой, — молодожены.

После прежних разводов я думал, что больше у меня не будет ничего, что любовь ушла. Но, как показывает практика, это вовсе не так.

Главное — верить.

На тренировке